

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

*– Господин Дронго? –
услышал он незнакомый
голос, говоривший
по-русски, но с
характерным сербским
акцентом. – Не нужно
влезать туда, куда вам
не стоит влезать. Это
может быть опасно...*

Балканский синдром

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Балканский синдром

«PEN-клуб»

2012

Абдуллаев Ч. А.

Балканский синдром / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2012 — (Дронго)

Всемирно известный эксперт Дронго снова в деле. На этот раз высокое начальство из ФСБ убедительно просит сыщика помочь коллегам из Сербии. Тамошняя прокуратура бьется над загадочным убийством заместителя премьер-министра страны Предрага Баштича. Его задушили в собственном особняке во время очень важной встречи представителей власти всех балканских республик. По подозрению в убийстве арестован охранник Баштича, но вряд ли это его рук дело. Дронго выясняет, что в день убийства в особняке было четверо людей, которых на этой секретной встрече быть не должно. И один из них – сын Баштича...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

Балканский синдром

Предвзвещения редко преодолеваются обоснованными доводами, поскольку они не опираются на разумные суждения, их невозможно разрушить обычной логикой.

Джонатан Эдвардс

Глава первая

Расследование этого преступления станет известно всей Европе и сделает имя Дронго нарицательным. Аналитик, известный под этой странной кличкой, превратится в одного из самых популярных сыщиков, а сама кличка постепенно потеряет свое первоначальное значение, становясь символом успешной работы детектива, сумевшего изобличить так много преступников и раскрыть так много загадочных преступлений.

Он прилетел в Москву проездом из Баку в Рим, куда собирался отправиться прямым рейсом уже через два дня, и ему сразу позвонил его друг и напарник Эдгар Вейдеманис.

– Я знаю, что ты собираешься улететь в Рим, – начал Эдгар, – и прилетел в Москву только на несколько дней. Но тебя ищут сотрудники Министерства иностранных дел и какие-то иностранцы, которые уже несколько раз звонили.

– На каком языке они говорили?

– По-русски, но с сильным акцентом, – пояснил Вейдеманис. – Мне кажется, что они из какой-нибудь славянской страны. Точнее сказать не могу, но акцент весьма характерный. Может, болгары? Хотя нет, болгары обычно говорят немного иначе.

– Понятно. А кто звонил из Министерства иностранных дел?

– Твой знакомый. Павел Афанасьевич Турелин.

– Надеюсь, он не представился моим другом? – иронично спросил Дронго.

– Нет, но сказал, что он твой хороший знакомый.

– Турелин проходил свидетелем по делу об убийстве Всеволода Пашкова. И нужно вспомнить, что вел он себя отнюдь не безупречно.

– Очевидно, ему самому об этом не хочется вспоминать, – засмеялся Вейдеманис.

– Он хотя бы объяснил, почему меня ищут иностранцы?

– Нет, не сказал. Спрашивал, когда ты будешь в Москве. Я ответил, что не знаю, но обещал связаться с тобой. Правда, лично я думаю, что вопрос важный, иначе они не разыскивали бы тебя так настойчиво.

– Учитывая, что я обещал Джил наконец приехать, то этот звонок явно несвоевременный.

– Если хочешь, я передам, что не сумел тебя найти.

– Тогда они будут искать мой итальянский номер и позвонят в Рим, что еще хуже. Лучше узнать сейчас, зачем я им так срочно понадобился. Постарайся уточнить у Турелина, в чем там все-таки дело.

Он не успел договорить, разговор прервался звонком городского телефона. Дронго убрал мобильный и стал ждать, когда после третьего звонка включится автоответчик и он по громкоговорителю услышит, кто именно ему звонит. И тут раздался знакомый голос генерала Шаповалова:

– Добрый день! Если вы дома, то, пожалуйста, ответьте.

Дронго поднял трубку:

– Здравствуйте, Сергей Владимирович, – поздоровался он. – Как ваши дела?

– Все как обычно. Много работы.

– Теперь вы уже не генерал милиции, а генерал полиции, – вспомнил Дронго. – Как чувствуете себя в новом качестве?

– Пока привыкаем. Столько лет были милицией, теперь приходится переучиваться. Только вот с обращениями пока никак не получается. Все еще не можем называть друг друга «господами», по-прежнему обращаемся, как раньше, «товарищ». Впрочем, в армии тоже не совсем получается с господами.

– В русском языке «господин» имеет несколько специфическую лингвистическую окраску, – согласился Дронго. – Это слово означает, что человек, к которому вы обращаетесь, из господ, то есть руководителей, хозяев, поэтому оно не так легко приживается. Но вы позволили ко мне явно не для того, чтобы пожаловаться на ваши лексические трудности.

– Нет, конечно, – рассмеялся генерал. – Ко мне обратились из нашего МИДа, а потом еще звонили из ФСБ. Вас хотят срочно увидеть и переговорить сотрудники обоих ведомств.

– В таком случае произошло нечто серьезное. Я могу узнать, почему меня так срочно ищут?

– Насколько я понял, прилетела делегация из Белграда, члены которой хотят с вами встретиться. В ее составе заместитель генерального прокурора Сербии Вукославлевич и заместитель министра внутренних дел генерал Обрадович. Они обратились в МИД, к нам и в ФСБ с просьбой оказать содействие в ваших поисках. Им сообщили, что вы сейчас в Москве. Хотя, насколько я понял, они готовы вылететь в Баку или в Рим, чтобы найти вас, или в любое место, куда вы прикажете.

– Все настолько серьезно?

– Не хочу вас заранее нервировать, но полагаю, что дело более чем серьезное, если сюда прилетела такая представительная делегация. Должен сказать, что я немного знаю генерала Бранко Обрадовича. Это настоящий профессионал и исключительно порядочный человек. Сейчас вы наверняка скажете, что такие еще иногда встречаются в наших ведомствах, и я с вами соглашусь. Такие, как Обрадович, делают честь нашей службе. Он в двадцать четыре года добровольцем защищал сербские деревни в Хорватии, был тяжело ранен и пошел служить в полицию. До этого работал учителем в школе. Потом его ранили уже во время работы в полиции, когда он занимался борьбой с наркодельцами. В Белграде его считают живой легендой и очень уважают. Если он лично прилетел, значит, дело очень важное и сложное. Кроме того, я полагаю, что не испорчу вас хвалебными речами, если замечу, что вы являетесь одним из самых известных аналитиков Восточной Европы.

– Могли бы сказать, нашего континента, – ворчливо заметил Дронго, – хотя согласен и на Восточную Европу. И вы даже не предполагаете, зачем они меня ищут? Такого просто не может быть.

– Предполагаю, – согласился Шаповалов, – но пока не могу точно вам сказать, поэтому считаю нужным держать свои предположения при себе.

– Со мной вы можете поделиться...

– Возможно, вы об этом уже слышали. Примерно два месяца назад стало известно о смерти заместителя премьер-министра Сербии Предрага Баштича. Он был одним из самых известных и ярких политиков «новой волны». Так о нем говорили, я всего лишь передаю слова наших дипломатов. Обстоятельства его смерти вызывают много вопросов до сих пор... И дело не только в криминальной составляющей, но и в большой политике. К сожалению, никаких дополнительных подробностей я не знаю.

– Вы дважды сказали о его смерти, – заметил Дронго. – Это было убийство или естественная смерть?

– Конечно, убийство. Но такое убийство, когда виновного не могут найти. Или не хотят. Хотя, насколько я знаю, виновного нашли довольно быстро, но потом возникли какие-то сомнения.

– Тогда зачем они прилетели сюда? Какой смысл, если у них уже есть убийца и дело раскрыто?

– Понятия не имею. Я всего лишь должен был вас найти и попытаться уговорить встретиться с приехавшей делегацией. Конечно, вы можете отказаться, это ваше личное дело. Но они ищут именно вас.

– Интересно, – пробормотал Дронго, – неужели дело настолько важное, что государственные органы решили обратиться к частному детективу, да еще из чужой страны? И прилетели сюда в таком представительном составе? Значит, дело действительно исключительно интересное. Может, стоит согласиться на встречу?

– Я с самого начала не сомневался, что вы согласитесь, – обрадовался Шаповалов. – Вы ведь настоящий профессионал, и вам должно быть интересно подобное дело.

– Я – профессионал, известный только в Восточной Европе, а бывшая Югославия всегда балансировала между Западом и Востоком, – не удержался от саркастического выпада Дронго.

– Неужели я вас обидел?

– Вы меня даже обрадовали. Все-таки Восточная Европа – это полтора десятка стран, если считать с шестью новыми югославскими республиками. Хотя сейчас их уже семь – кажется, почти вся Европа признала Косово как самостоятельное государство, за исключением России и Испании...

– Между прочим, официальный Баку тоже не признал самостоятельности Косово, – напомнил Шаповалов.

– Я об этом знаю. Но семь республик на такую страну, как Югославия, – это очень много. Процесс «брожения» идет уже двадцать лет, и боюсь, что пока не закончился. Кому я должен позвонить, чтобы договориться о встрече с приехавшими?

– Никому не нужно звонить. Я все сам передам. Назначим встречу на завтра в нашем министерстве. Позвоню Бранко, и мы с ним обо всем договоримся. Если вы согласны, конечно.

– В вашем министерстве мне будет даже удобнее. Сотрудники полиции более конкретные люди, чем чекисты или дипломаты, хотя мне всегда больше нравились чекисты...

– Почему? – удивился Шаповалов.

– Об их делах бывает известно гораздо меньше, чем о ваших расследованиях. Они работают гораздо тише и незаметнее. Я считаю, что аналитик, пусть и известный только на Восточную Европу, почти отработанный материал. Слишком большая популярность хороша для оперного певца или футболиста, для сыщика или детектива она очень опасна. Могут изучить его методы работы, его приемы, характерные уловки, проследить обычный ход его расследований. Он рискует повториться, а его противники тут же сделают надлежащие выводы из его прежних расследований. Поэтому лучше, чтобы об этом аналитике знали как можно меньше...

– Теперь я понял, почему вы все время скрываетесь за своим псевдонимом, – сказал Шаповалов, – ведь многие до сих пор не знают вашего настоящего имени.

– И поэтому тоже, – согласился Дронго. – Значит, договорились. Когда мне завтра к вам приехать?

– Давайте к полудню, – решил генерал, – мы успеем предупредить все заинтересованные стороны.

– Тогда договорились. До свидания. – И Дронго положил трубку.

Нужно будет посмотреть в Интернете все, что известно об убийстве этого Баштича, прежде чем отправиться на встречу. Шаповалов не стал бы выдавать эту версию без должных поводов. Значит, высокопоставленные гости прибыли из-за этого убийства. Интересно, что именно там произошло?

В этот вечер Дронго просидел за компьютером почти до четырех утра. Баштич погиб около двух месяцев назад в местечке Бичелиш под Белградом. Судя по сообщениям, там проходило какое-то важное совещание с представителями оппозиционных партий, прибывших из соседних республик. Баштич был задушен в своих апартаментах. Охранника, сидевшего у дверей, арестовали. Выяснилось, что в молодости он входил в ультрарадикальные отряды, и его обвинили в убийстве политика. В Белграде были устроены грандиозные похороны с участием высших лиц страны. Везде упоминалось, что Баштич мог со временем претендовать на должность премьера, а затем и президента страны. Его рейтинги опережали рейтинги почти всех политиков, при этом он считался одним из основных кандидатов от правящей партии на предстоящих парламентских выборах.

Он был молод, ему исполнилось только сорок четыре года. Выше среднего роста, достаточно симпатичный, открытый взгляд, густая копна каштановых волос, чувственные губы, лицо из тех, которые нравятся женщинам, небольшой шрам на подбородке, придающий ему еще больше шарма. Был женат третьим браком на племяннице одного из основных акционеров всемирно известной компании «БМВ» Шарлотте Хейнкесс, но еще до этого брака считался достаточно состоятельным человеком. Имел сына от первого и дочь от второго брака. Сыну Зорану уже двадцать четыре года, а дочери Любице – шестнадцать. Его первая супруга была старшей дочерью известного хорватского политика времен Тито Горана Квесича, что помогло молодому Баштичу сделать очень неплохую карьеру. К моменту распада Югославии, в девяносто первом году, он считался одним из самых заметных молодых активистов партии. Затем вышел из партии и стал демократом. С первой женой развелся через несколько лет, вторая была из Македонии. Ее отец – руководитель банка новой республики Андон Китанов, которого хорошо знали и уважали во всех республиках бывшей Югославии, ведь он долгие годы проработал в Белграде заместителем министра финансов страны. Бистра Китанова вышла замуж за Баштича в девяносто третьем году, и с ней он прожил в браке около шести лет, пока они не разошлись. С третьей супругой Баштич сочетался браком четыре года назад. Супруги жили в роскошном имении жены под Мюнхеном, откуда молодой политик возвращался в Белград для успешной политической карьеры. Он успел побывать послом в Польше, заместителем министра иностранных дел Сербии, получить назначение послом в Германию, благо у его новой супруги в этой ведущей европейской стране были огромные связи, после чего был выдвинут на должность заместителя председателя правительства. И никто не сомневался, что после новых парламентских выборов именно ему поручат сформировать новый кабинет министров.

Несомненно, что такой стремительный рост и быстрое продвижение по служебной лестнице не могло понравиться его коллегам, и у него появилось достаточное количество врагов. Однако в материалах, которые удалось найти в Интернете, об этом не было ни слова. Не только сербские, но и хорватские, словенские и македонские газеты сообщили о гибели Баштича и аресте подозреваемого в этом преступлении охранника особняка, которому было только двадцать девять лет. Бывший баскетболист, сломавший ногу за несколько лет до этого и покинувший большой спорт, Янко Николич считался главным обвиняемым в этом преступлении. Никаких дополнительных подробностей в газетах не было, кроме информации о его принадлежности к ультраправым националистическим организациям, тогда как погибший Баштич считался одним из лидеров левоцентристов, которые имели все шансы победить на предстоящих парламентских выборах.

Дронго старательно выписывал вопросы, появившиеся у него по мере знакомства с этим делом и биографиями обоих действующих лиц преступления. Самый большой интерес вызывала, безусловно, фигура погибшего, бывшего, очевидно, неординарным и талантливым человеком, наделенным многими положительными качествами. Фигура убийцы тоже вызывала много вопросов, на которые Дронго не имел ответов.

Поздно вечером, ближе к одиннадцати, позвонил Турелин, долго рассыпался в любезностях, а затем сообщил о предстоящей завтрашней встрече в здании Министерства внутренних дел. Дронго выслушал его, почти не перебивая, и коротко сообщил, что уже знает о встрече и обязательно на нее приедет.

Утром было еще три телефонных звонка. Один от Вейдеманиса, который сообщил о том, что встреча состоится в двенадцать в кабинете Шаповалова; ему звонили по поручению Турелина. Второй звонок – из ФСБ. Звонивший довольно долго ждал, пока Дронго снимет трубку. Видимо, он точно знал, что эксперт находится дома и не снимает обычно трубку, предпочитая сначала выслушать автоответчик. Но звонивший попросил взять телефон и вежливо пояснил, что сегодня состоится важная встреча, на которой будет и представитель ФСБ. Стало понятно, что расследованию этого убийства в Москве придают особое значение. Когда раздался третий звонок, Дронго уже догадывался, кто именно может звонить. И не ошибся. Это был его давний знакомый из ФСБ генерал Потапов, уже давно вышедший в отставку, но, как и все бывшие руководители спецслужб, сохранявший свои связи в прежних организациях. Он тоже попросил присутствовать на этой встрече, добавив, что это и его личная просьба. Оставалось только заверить его, что встреча обязательно состоится. Ровно в двенадцать часов Дронго вошел в кабинет генерала Шаповалова.

Глава вторая

Кроме самого хозяина кабинета, в нем находилось еще трое неизвестных. Двое гостей сразу выделялись своими «европейскими» прическами, манерами, даже выражением лиц. Заместитель прокурора Вукославлевич был мужчиной средних лет, довольно плотным, с округлым лицом и редкими волосами, которые он старательно зачесывал так, чтобы скрыть образовавшуюся на макушке плешь, и все время нервно поправлял очки. Генерал Обрадович был высокого роста, подтянутый, уже почти седой, несмотря на свой относительно молодой возраст. Вместе с ними в кабинете Шаповалова находился неизвестный мужчина лет пятидесяти. Незапоминающееся лицо, внимательный взгляд, достаточно дорогой костюм, широкие плечи спортсмена.

– Самойлов, – представился он и, чуть подумав, добавил, протягивая руку: – Александр Михайлович.

Рукопожатие оказалось достаточно крепким. Он не назвал своего звания, так обычно поступали генералы спецслужб, не любившие говорить о своих званиях. Дронго знал эту характерную закономерность. До полковника включительно офицеры обычно называли свои звания и фамилию. Генералы же представлялись только по фамилии.

– Бранко Обрадович, – привстал сербский генерал, тоже протягивая руку. Ростом он почти не уступал Дронго, только был несколько уже в плечах.

Третьим пожал гостю руку прокурор Петр Вукославлевич.

Шаповалов пригласил Дронго к столу. Дежурный офицер внесла небольшие чашечки кофе, расставила их перед гостями и быстро вышла.

– Давайте начнем, – сразу предложил Шаповалов. – Наши сербские друзья попросили о срочной встрече с присутствующим здесь известным экспертом-аналитиком, и господин Дронго любезно согласился. Остальное говорить вам, Александр Михайлович.

– Спасибо, – поблагодарил Самойлов и продолжил: – Мы хотели встретиться, чтобы обсудить проблему, возникшую у наших гостей. Они прибыли с визитом для срочной встречи, полагая, что вы сможете разрешить их достаточно непростой вопрос. Должен сказать, что господин Вукославлевич хорошо говорит по-русски и может объяснить причину их срочного визита. Однако, прежде чем мы начнем, я хотел бы обратить внимание господина эксперта, что наша беседа должна остаться абсолютной тайной и не выходить за пределы этого кабинета ни при каких обстоятельствах.

При этих словах прокурор согласно кивнул головой, а генерал Обрадович нахмурился.

– Это я могу вам пообещать, – ответил Дронго.

– Вы можете отказаться, если посчитаете, что вам не стоит браться за расследование этого дела, – продолжал Самойлов, – но хочу вас предупредить, что, если вы все-таки согласитесь, пути назад уже не будет. Вы не можете начать расследование, а затем отказаться. Надеюсь, вы понимаете, насколько серьезное дело вам предстоит, если сюда прибыла такая представительная делегация.

– Я все понимаю, – согласился Дронго, – но сначала надо выслушать приехавших и попытаться понять, что там происходит.

– Безусловно, – согласился Самойлов, взглянув на прокурора Вукославлевича, как бы приглашая его продолжить разговор.

– Господин Дронго... вы разрешите так к вам обращаться? – поинтересовался прокурор. По-русски он говорил достаточно хорошо, но с заметным акцентом.

– Меня обычно так и называют, – сказал Дронго.

– В таком случае позвольте вам объяснить, что именно я хотел бы вам сказать. Речь идет об убийстве нашего известного политика господина Предрага Баштича, который был убит два

месяца назад во время конфиденциальной встречи, на которую прибыли представители оппозиционных партий нескольких соседних республик. После убийства были допрошены все свидетели, но мы так и не смогли разобраться, что именно там произошло. В результате арестованным оказался охранник господина Баштича, которого считают главным подозреваемым в совершении этого преступления. В настоящее время Янко Николич находится в белградской тюрьме. Его напарник, Радко Недич, тоже был арестован, однако в настоящее время его выпустили на свободу и забрали у него паспорт, поместив под домашний арест.

– Я читал об этом в материалах, которые мне удалось найти в Интернете, – сообщил Дронго, – но я не сумел понять детали происшедшего. Насколько я понял, именно охранник Николич является единственным подозреваемым, и у вас нет никаких других возможных подозреваемых лиц.

– Верно, – согласился прокурор, – именно поэтому мы подключили к расследованию наших лучших следователей. Поэтому приняли решение пригласить такого известного эксперта, как вы, чтобы попытаться выяснить, каким образом могло произойти это загадочное убийство.

– Давайте более подробно. Почему загадочное, если у вас только единственный подозреваемый? Я пока ничего не могу понять.

– Убийство произошло на частной вилле, которую снимало правительство, недалеко от Белграда, на Дунае, между Старо-Быстрицей и Бичелишем. Трехэтажный особняк охраняется, как правительственная резиденция, там находятся сотрудники нашего специального подразделения – четырнадцать человек, повсюду камеры наблюдения. Посторонний попасть туда практически не может. Мы провели самое тщательное расследование, никаких шансов у чужого проникнуть на территорию просто не было. К тому же в этот вечер дежурил усиленный наряд, и рядом со входом находились еще две машины полиции.

В трехэтажном особняке апартаменты господина Баштича были на третьем этаже, – продолжал Вукославлевич, – он занимал угловые помещения, две большие комнаты. С левой стороны – сплошная стена, которая обрывается к Дунаю. Вокруг дома постоянно ходили дежурные сотрудники охраны, и повсюду были установлены камеры слежения. Комнаты Баштича примыкали к апартаментам, которые занимал его заместитель по партии Драган Петкович. В этот вечер он как раз был в особняке вместе со своей супругой, собиравшейся улетать в Вену. В коридоре дежурил охранник Николич.

– Кто оставался на третьем этаже?

– Там еще комнаты для премьера, но они расположены чуть дальше. Но в тот вечер премьера в здании не было, и туда никто не входил. Мы это тоже проверяли.

– Петкович был не один?

– Нет, с супругой. Дело в том, что в этом здании должна была состояться встреча представителей левоцентристских партий, представляющих Сербию, Хорватию, Македонию, Словению, Черногорию и Боснию. Впервые после распада Югославии была сделана подобная попытка попытаться договориться о возможных совместных действиях. В отличие от Советского Союза, где двенадцать республик до сих пор входят в Содружество Независимых Государств, нам не удалось создать ничего подобного. Хорватия и Словения уже вошли в Европейское сообщество, они всегда считали себя частью западного мира. Босния все время балансирует на грани войны. С Македонией проблемы у Греции – вы знаете, что они категорически выступают против самого названия их государства, считая, что Македония – часть самой Греции, а у нас даже Черногория умудрилась отделиться от Сербии и не захотела быть с ней в едином союзе.

– Одиннадцать, – неожиданно произнес Дронго.

– Что одиннадцать? – не понял Вукославлевич.

– В СНГ осталось только одиннадцать государств, – напомнил Дронго. – Грузия уже вышла из состава Содружества.

– Одиннадцать, – согласился Вукославлевич, – все, кроме Прибалтики и Грузии. Но у нас подобное разделение было слишком болезненным, поэтому любые переговоры о возможном, даже экономическом сотрудничестве в течение стольких лет были практически невозможны. И только теперь, спустя двадцать лет после фактического начала распада Югославии, мы сделали попытку о чем-то договориться. Хотя бы на уровне левых партий. Но в результате эта встреча закончилась трагедией.

– Значит, в особняке находились «гости»?

– Они приехали для переговоров. Четверо представителей из Хорватии, Словении, Боснии и Македонии. Представитель Черногории не успел приехать. Но все четверо обсуждали возможные документы, находясь в зале приемов на первом этаже. Вместе с ними там работали Баштич и Петкович. В самом особняке было еще несколько человек. Примерно в семь вечера решили сделать перерыв на ужин, и оба сербских политика поднялись наверх. Петкович почти сразу спустился. Он проводил жену в Белград, она должна была вернуться в город, чтобы лететь в Вену. Затем Петкович присоединился к остальным и провел с ними около двух часов, примерно до девяти часов вечера. Абсолютно точно установлено, что они вместе ужинали, и никто из пятерых чиновников из зала не выходил. Примерно в восемь вечера Петковичу позвонил Баштич, желавший уточнить какой-то вопрос. Петкович разговаривал со своим шефом в присутствии остальных гостей. На мобильных телефонах обоих был зафиксирован этот звонок. А еще через час Петкович, встревоженный отсутствием своего руководителя, сам поднялся к нему в апартаменты. И тут же попросил охранника Недича позвать вице-премьера. Недич сообщил об этом Николичу. Сидевший у дверей Николич уверял, что никто в помещение к Баштичу до этого не входил. Затем Николич вошел в апартаменты вице-премьера и обнаружил его убитым. Буквально через несколько секунд туда поднялись остальные. Среди гостей оказался врач по профессии господин Мирослав Хриберник, который установил факт смерти заместителя премьера.

При этом он обратил внимание, что вице-премьер был задушен не раньше чем за час до того, как они его обнаружили. Возможно, сразу после своего телефонного звонка. Прибыли полицейские эксперты, врачи, следователи, здание оцепили, всех находившихся в доме допросили, даже полицейских, которые дежурили на улице. Но никто ничего не мог объяснить. – Вукославлевич закончил и озадаченно взглянул на Дронго. Затем, немного подумав, добавил: – Мы провели самое тщательное расследование, которое только могли провести. Пригласили даже специалистов из Интерпола. Осмотрели каждый сантиметр площади, даже сделали два повторных вскрытия тела. Продумали самые невероятные версии: что неизвестный убийца мог попасть с вертолета, но в таком случае шум вертолета должны были слышать находившиеся во дворе охранники, что неизвестный убийца каким-то образом поднялся по отвесной скале и затем сумел влезть на третий этаж – но никаких следов не было, к тому же там очень приличное освещение, и убийца не смог бы пройти незамеченным. Апартаменты убитого, комнаты Петковича и премьера соединены общим балконом с небольшими перилами. Возможно, неизвестный убийца смог пролезть через балкон. Но в коридоре третьего этажа находился охранник Николич, а внизу дежурил Недич, они не могли не заметить чужого. А на третьем этаже, кроме самого погибшего, больше никого не было. Это тоже установлено абсолютно точно. И самое главное, что в коридоре тоже работала камера наблюдения, которая фиксировала все возможные передвижения посторонних людей. Она была как раз направлена на лестницу на место, где постоянно сидел Николич. Все записи просматривались нашими лучшими экспертами неоднократно.

– И ничего не обнаружили?

– Ближе к восьми охранник Николич поднялся и прошел в туалет, находившийся в конце коридора. Затем вернулся. Теоретически он имел возможность каким-то образом проскользнуть в апартаменты премьера, перелезть на балкон к Петковичу и уже оттуда к Баштичу, задушить вице-премьера и снова вернуться. Мы провели три следственных эксперимента. Для того чтобы перелезть через все эти балконы и задушить Баштича, ему нужно было не меньше трех или четырех минут. И это учитывая, что с балкона премьера куда-либо пролезть практически невозможно, там натянута дополнительная сетка. Мы предположили, что ему, может, удалось каким-то невероятным образом это сделать, но и тогда у него не было столько времени. Он вернулся примерно через две минуты, это четко зафиксировано на нашей пленке, а потом практически все время сидел на стуле, никуда не отлучаясь. И когда во второй раз поднялся, то вошел в апартаменты и почти сразу выбежал. Буквально через несколько секунд.

– И вы его арестовали?

– У нас нет другого подозреваемого, а он в любом случае виноват, так как не имел права отлучаться. Ведь он был охранником вице-премьера, а того задушили, пока он сидел у его дверей. Значит, он – либо убийца, либо пособник убийства. Но каким образом произошло это загадочное убийство? Кто мог задушить господина Баштича, если это сделал не Николич? Наши эксперты и следователи терялись в догадках. Мы еще раз допросили всех присутствующих, но ничего не смогли установить.

– Такой классический детективный случай, – вмешался Самойлов, – когда убийство происходит в закрытой комнате, и убийца исчезает неизвестно куда. Непонятная загадка, повторяющаяся в двадцать первом веке. Я думал, что подобные убийства остались в девятнадцатом, а сегодня политиков убивают с помощью киллеров, стреляющих из снайперской винтовки. Во всяком случае, не душат как цыплят.

Гостям явно не понравились его слова. Оба переглянулись, но не стали их комментировать.

– Господин Дронго, мы прибыли к вам не просто как туристы, – произнес Обрадович, говоривший с сильным акцентом. – Господин прокурор не сказал вам, что мы проверяли Николича на детекторе? Я правильно произнес это слово?

– Дело в том, что Николич категорически отрицает свою вину и не хочет признаваться, – подтвердил Вукославлевич. – Учитывая исключительную важность происшедшего, мы приняли решение проверить его на так называемом «детекторе лжи». Пригласили лучших немецких специалистов и дважды проверяли его. Оба раза детектор показал, что он не врет, когда говорит о своей полной непричастности к этому преступлению. Конечно, показания детектора не могут считаться свидетельскими показаниями, но некоторое сомнение эти результаты у нас породили. Наш известный врач-психолог предложил свои услуги. Он ввел Николича в состояние гипноза и попытался его допросить. Охранник упрямо утверждал, что ничего не видел и не слышал. Врач убежден, что Николич не мог лгать под гипнозом. Это просто невозможно. Мы пошли даже на такой варварский метод, как введение ему специального раствора, так называемой «сыворотки правды». И опять Николич утверждал, что он невиновен. Последним нашим шансом был местный священник, который знает Николича с детства. Мы пригласили его для беседы с подозреваемым. Священник говорил с ним около двух часов и вышел из камеры, твердо заявив, что охранник ни в чем не виноват. Николич поклялся на Библии, что не совершал этого преступления и не знает, как оно произошло. Мы можем не доверять ему самому, не доверять результатам проверки и даже предположить, что ему удалось каким-то образом лгать под гипнозом. Но мы ввели ему такую дозу лекарства, что лгать он просто не мог. Это абсолютно невозможно. И тогда получается, что убийца неизвестным образом проник в апартаменты Баштича, задушил вице-премьера и затем растворился в воздухе. Но в жизни так не бывает. Я лично в дьявола не верю, для этого слишком долго работаю в прокуратуре. И гене-

рал Обрадович тоже не верит в нечистую силу. Но никаких других объяснений нет. А нам бы хотелось получить хоть какие-то версии.

– И у вас нет ни одной? – не выдержав, вмешался Шаповалов.

– Есть, – ответил прокурор, снял очки, протер стекла, снова надел их, – но это очень нехорошая версия. Тогда остается предположить, что это убийство связано с политической деятельностью господина Баштича и в его устранении были заинтересованы наши спецслужбы. Только в том случае, если пленку сумели заменить, а некоторые охранники были в сговоре, все выглядит достаточно правдоподобно. Иначе говоря – это политическое убийство, когда сотрудники охраны и офицеры полиции смогли договориться или их элементарно купили, чтобы они не заметили возможного убийцу. Но предположить, что сразу полтора десятка наших лучших офицеров и сотрудников оказались замешаны в этой непонятной истории, значит не доверять нашим спецслужбам. На это мы тоже не можем пойти.

– Среди офицеров полиции, которые там дежурили, двоих я знаю лично и могу за них поручиться, – вмешался Обрадович.

– Вот поэтому мы к вам и приехали, – закончил Вукославлевич. – Нам нужна ваша помощь в этом расследовании, господин эксперт. Мы знаем, что вы тоже не верите в различные потусторонние силы или в мистику. Баштича убил конкретный убийца, и наша задача – его обнаружить.

– Больше ничего не хотите мне сообщить? – спросил Дронго.

Обрадович посмотрел на прокурора, ожидая, что тот заговорит, но Вукославлевич молчал. Тогда заговорил он сам:

– Вы читали материалы об убийстве Баштича?

– Читал. И обратил внимание, что среди тех, кто был в этот день в особняке, вы не назвали еще одного человека, которого тоже допрашивали. Это сын господина Баштича – Зоран.

Обрадович снова посмотрел на прокурора, но тот по-прежнему упрямо молчал. Очевидно, эта щекотливая тема была настолько закрытой, что он вообще не хотел говорить о ней в присутствии российских руководителей спецслужб. Подобные частности они могли бы обсудить с экспертом и без участия российских генералов. Дронго же был неумолим.

– Значит, Зоран там был? – повторил он.

– Да, – ответил Обрадович, – он там тоже был. – И снова взглянул на прокурора.

Тот кивнул и заговорил:

– Зоран Баштич был последним, кто видел живого вице-премьера в тот злополучный вечер. Сразу после совещания господин Баштич поднялся к себе, и к нему зашел его сын. Вернее, даже не так. Вместе с господином вице-премьером в его апартаменты поднялась его помощник госпожа Милованович. Затем она вышла и спустилась вниз. Только после этого туда поднялся сын господина Баштича Зоран. Пробыл он в апартаментах отца недолго, несколько минут, затем вышел и спустился вниз. Охранники обратили внимание на его плохое настроение. Но у Зорана есть алиби: примерно через час после его ухода господин Баштич позволил своему заместителю Петковичу и разговаривал с ним. Однако на допросе Петкович подтвердил, что голос звонившего показался ему несколько необычным. Должен вам сказать, что голоса отца и сына очень похожи. Это тоже правда. – Вукославлевич кинул взгляд на генерала Обрадовича, словно спрашивая, все ли он сказал.

Тот сидел неподвижно. Было понятно, что это убийство и даже разговоры на эту тему – неприятное испытание для обоих гостей. Очевидно, именно в силу этих причин расследование нужно было поручить иностранному эксперту, никак не связанному с сербскими властями.

– Мы рассчитываем на вашу помощь, – сказал Вукославлевич.

Дронго молчал.

– Вы согласны нам помочь? – уточнил Обрадович.

– Вы можете взяться за расследование этого убийства? – спросил Самойлов. – Если, конечно, считаете, что убийцу можно найти спустя два месяца после убийства.

Все трое смотрели на детектива. Шаповалов усмехнулся. Он слишком хорошо знал Дронго. Этот человек никогда не отступает перед трудными задачами.

– Мне очень лестно, что наши коллеги, приехавшие из Белграда, считают меня способным провести это расследование, – ответил Дронго. – Полагаю, это достаточно интересный случай, тем более если убийство такого известного политика связано с его политической деятельностью. Но хочу предупредить, что не могу гарантировать результата. Я не маг и не волшебник, а всего лишь обычный аналитик, который пытается применять на практике свои теоретические построения.

– Мы это знаем, – сразу сказал Вукославлевич. – Назовите, пожалуйста, сумму вашего гонорара. От имени нашего правительства я уполномочен заявить, что мы согласны на все ваши условия. Но нам нужны будут конкретные результаты этого расследования.

– И имя убийцы, – если это возможно, – добавил Обрадович.

Дронго медленно кивнул головой. Похоже, он может потом пожалеть, что согласился взяться за подобный невероятный случай, но, с другой стороны, для настоящего профессионала это своего рода вызов. Суметь раскрыть подобное преступление – значит переиграть возможного убийцу или организатора убийства, который сумел все продумать таким невероятным образом. Поэтому Дронго кивнул во второй раз и боковым зрением увидел довольное лицо генерала Шаповалова.

Глава третья

Ровно гудели моторы. Самолет вылетел из Москвы точно по расписанию. В салоне бизнес-класса находились генерал Обрадович, прокурор Вукославлевич и неизвестный эксперт, которого все называли странным именем Дронго, немного похожим на югославское Драган или Драдан. Вчера ночью ему позвонил генерал Самойлов.

– Хотел пожелать вам успехов, – сказал он, – и передать просьбу моего руководства. В случае, если расследование пойдет не совсем так, как захотят наши сербские друзья, вы всегда можете обратиться за помощью в посольство. Советник посольства в курсе вашей миссии. Но в любом случае подумайте, прежде чем публично обнародовать вашу позицию. Вы меня понимаете?

– Не совсем.

– Возможно, убийство такого известного политика связано с его политической деятельностью, – осторожно намекнул Самойлов. – Но если окажется, что в этом убийстве были заинтересованы какие-то внешние силы, на Балканах снова может вспыхнуть война. Они так долго жили вместе и так сильно успели возненавидеть друг друга, что достаточно одной искры, чтобы противостояние возобновилось. Своего рода «балканский синдром», о котором знают все дипломаты. Когда любой скрытый конфликт может привести к широкомасштабным боевым действиям. Слишком много обид хранят еще в себе различные народы этой многострадальной страны. Нужно быть терпеливее, мудрее, если хотите.

– Это я понял. Если окажется, что убийцей был кто-то из прибывших гостей, я должен сделать все, чтобы не узнать, каким образом он убил Баштича?

– Я вам так не говорил, – возразил Самойлов. – Конечно, вы летите туда помочь нашим сербским друзьям, но от вашего расследования, возможно, зависит и ход дальнейших переговоров между бывшими республиками Югославии. Я просто прошу вас об этом всегда помнить.

– Ясно. Постараюсь не забыть. Будут еще указания?

– Не нужно так нервно воспринимать мои слова. Это не указания, а совет. И еще... обратите внимание, что сыну погибшего уже два месяца отказывают в выдаче зарубежного паспорта. Наше посольство об этом проинформировано. Мы располагаем информацией, что он тоже может быть замешан в убийстве. А это уже не семейное дело, а большая политика. Дед Зорана Баштича является вице-спикером парламента Хорватии и одним из самых уважаемых людей в стране. Об этом вам тоже нужно помнить. А в остальном – удачи и успехов.

– После таких слов не сомневаюсь, что вы пожелали их от чистого сердца, – пробормотал Дронго.

– Вам не говорили, что у вас своеобразное чувство юмора? – рассмеялся в ответ Самойлов.

– Я могу задать вам тот же вопрос, – парировал Дронго.

– До свидания, – быстро попрощался генерал.

– Всего хорошего. – Дронго положил трубку.

Конечно, об этом разговоре ему следовало помнить постоянно, это он уже четко себе представлял. Когда самолет летел уже над Украиной, Дронго спросил у Вукославлевича:

– Кто занимался расследованием этого дела? Я спрашиваю не о команде, меня интересует конкретный следователь или руководитель следственной бригады, проводившей расследование.

– Он уже отстранен от этого дела, – несколько замявшись, сообщил заместитель прокурора республики, – после того, как мы проверили основного подозреваемого и получили отрицательные результаты.

– Как его зовут?

– Марко Бачанович, – нахмурился Вукославлевич, – но вы меня не поняли. Он отстранен за ошибки, допущенные в ходе этого расследования. И вообще уволен из прокуратуры.

– Тем не менее я хотел бы с ним встретиться.

– Могу узнать, почему?

– Конечно. Но прежде ответьте на вопрос: сколько лет проработал следователем отстраненный господин Бачанович?

– Больше двадцати, – мрачно процедил прокурор. – Но я не понимаю смысла вашего вопроса.

– Судя по вашему визиту, вы придавали особое значение расследованию этого убийства. И наверняка бросили на него своего лучшего следователя, который проработал больше двадцати лет и является настоящим профессионалом своего дела. А я привык доверять профессионалам. Если даже он допустил ошибку и не смог правильно вычислить убийцу, это совсем не перечеркивает его опыта двадцатилетней работы следователем. И вы должны были понимать, что первое, о чем я вас спрошу, это именно о моем предшественнике, который проводил расследование. Или вы со мной не согласны?

Вукославлевич поправил очки и неожиданно усмехнулся.

– Только давайте договоримся, что вы скажете об этом нашему прокурору республики сами, – попросил он, – и предложите организовать вам встречу с Бачановичем.

– Обязательно. А почему не вы?

– Он мой близкий друг, уже много лет, – пояснил прокурор. – Мы вместе начинали еще в начале восьмидесятых. Вместе учились на юридическом факультете. И я лично рекомендовал его руководителем следственной группы, ведь я курирую их работу в нашей прокуратуре. И, конечно, я был против его отстранения. Но политика всегда выше права. Во все времена и во всех государствах. Наше политическое руководство посчитало, что он провалил расследование, не сумев найти настоящего убийцу, и повел себя неадекватно, настаивая на дополнительном расследовании. Именно тогда было принято решение о его отстранении...

– И он согласился?

– Нет, – мрачно ответил Вукославлевич, – подал рапорт об отставке, хотя я его долго уговаривал этого не делать, и ушел из органов прокуратуры. Конечно, он был оскорблен и обижен. На него все время давили и требовали результатов.

– И вы не смогли отстоять своего друга?

– Господин Дронго, – снова поправил очки заместитель прокурора республики, – хорошо быть частным и независимым экспертом, известным на весь мир, когда вам никто не может приказывать или указывать. Прокуратура – контролирующий орган государственной власти. Прежде всего работающий в интересах государства и народа. А руководство страны избирается народом, как в любой демократической стране. Значит, мы обязаны прислушиваться к мнению наших политиков.

– Насколько я помню из курса процессуального права, прокуратура – прежде всего орган, надзирающий за законностью, и никакие государственные лица не имеют права вмешиваться в ее работу или решать, что и как нужно делать, – парировал Дронго.

– Так написано в учебниках, – усмехнулся Вукославлевич, – в жизни же все гораздо сложнее. Мы работаем не в вакууме, а в конкретных политических условиях, особенно в последние двадцать лет. Убийство сербов, с оружием в руках защищающих свои дома в Косово или Хорватии, считалось ликвидацией незаконных вооруженных формирований, с точки зрения местных властей. А с нашей точки зрения, это были люди, боровшиеся за свои анклавы и безопасность своих родных. Две точки зрения, разные подходы. Как, например, в Боснии, где все убивали друг друга, а теперь сделали виноватыми только сербов. Согласитесь, что это не совсем правильно.

– Когда люди убивают друг друга по этническому или религиозному признаку, это вообще варварство, – прямо сказал Дронго. – И даже не с точки зрения любого прокурорского работника, а с точки зрения любого нормального человека в двадцать первом веке.

– А мы прошли эту «эпоху варварства», – напомнил прокурор, – и поэтому нам сейчас особенно трудно. На нас давят наши собственные демоны, которых мы породили. Марко не захотел принимать условия игры и подал в отставку. Он всегда был непримиримым индивидуалистом и достаточно гордым человеком.

– И вы не смогли помочь своему другу?

– Я мог подать в отставку вместе с ним, но не стал этого делать. Можете считать меня большим конформистом, чем он, – достаточно серьезно ответил Вукославлевич.

Больше на эту тему они не говорили. В аэропорту их встречали два автомобиля с сотрудниками МВД, прокуратуры и МИДа. Отсюда они отправились в белградский отель «Златник», находившийся на севере города, откуда недалеко до Бичелиша и Старо-Быстрицы. В пятизвездочном отеле было только тридцать семь номеров, и прибывшему эксперту предоставили номер-сюит. Учитывалось и то обстоятельство, что поздней осенью в отеле почти не бывает иностранцев. Генерал Обрадович представил Дронго высокого молодого человека лет двадцати пяти.

– Капитан Павел Орлич, – сообщил он, – ваш помощник во время пребывания в нашей стране. Мать у него русская, отец серб, поэтому он прекрасно владеет обоими языками и может быть вашим переводчиком.

– Вы сотрудник МВД? – уточнил Дронго.

– Я из службы безопасности, – не стал лгать Орлич.

– Сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– Работали в следственной группе Бачановича?

– Да, – опять не соврал Орлич. Было件нятно, что этого человека приставили переводчиком не просто так. Он был в курсе всех последних событий.

– Значит, будем работать вместе, – протянул ему руку Дронго.

Орлич согласно кивнул. Его можно было назвать даже красивым – правильные черты лица, серые глаза, темные густые волосы.

– Завтра с утра вы можете ознакомиться с материалами дела, – пояснил Обрадович. – В прокуратуре знают, что вам разрешен доступ ко всем материалам, связанным с убийством вице-премьера.

Орлич исправно все перевел.

– Прежде всего я хотел бы побывать на месте преступления, – попросил Дронго, – и увидеть все собственными глазами.

– Уже пятый час вечера, – посмотрел на часы Обрадович, выслушав слова переводчика. – Может, лучше отдохнете после перелета и поедете завтра утром? Утром предстоят важные встречи с нашим министром и генеральным прокурором Сербии.

– У нас мало времени, господин генерал. Позвольте, я поеду туда прямо сейчас. Прежде чем встречаться с вашим руководством, я хотел бы составить для себя объективную картину случившегося.

– Хорошо, – согласился Обрадович, которому Павел перевел просьбу Дронго, – тогда поедем все вместе. Я вызову для нас машину.

Уже через сорок минут они направлялись в Бичелиш, где было совершено убийство. Павел устроился на переднем сиденье рядом с водителем, а Обрадович и Дронго разместились сзади. Когда они уже подъезжали к месту происшествия, Дронго спросил:

– Вы сможете организовать мне встречу с бывшим руководителем следственной группы господином Бачановичем?

Павел испуганно оглянулся, посмотрел на генерала. Тот криво усмехнулся:

– Это наш прокурор рассказал вам об отстраненном Бачановиче?

– Нет. Я сам спросил его, кто именно возглавлял расследование. Мне было бы интересно встретиться с этим человеком.

– Он написал заявление об уходе из органов прокуратуры, – ровным голосом сообщил Обрадович, – и боюсь, что ваша встреча, скорее всего, не состоится. Бачанович уже не является сотрудником прокуратуры и может отказаться от встречи с вами. К тому же мы не собираемся его искать.

– Он сам ушел из органов прокуратуры, – добавил уже от себя, после того как перевел слова генерала, Павел Орлич.

– Почему? – спросил Дронго.

Обрадович понял его вопрос и быстро ответил:

– Если вас интересует мое личное мнение, то он для меня – обычный дезертир, который решил покинуть свой пост в самое сложное время, когда не имел права этого делать.

Павел перевел его ответ слово в слово.

– Насколько я слышал, его отстранили от расследования, – возразил Дронго.

– Все равно. Он обязан был подчиниться и не обижаться, как молодая девушка, при которой произнесли грубое слово. Он профессионал и прекрасно знал, как ему нужно поступить, понимая, что его группа не смогла раскрыть преступление и не добилась никаких результатов. За это его справедливо наказали.

– Не уверен, что вы правы, – сказал Дронго, – но я в любом случае должен с ним увидеться. И я почти абсолютно убежден, что он не откажется от нашей встречи.

– Посмотрим, – коротко бросил Обрадович, и было件件но, что ему не хочется больше говорить на эту тему.

Машина подъехала к высоким воротам. За ними следовала еще одна машина с сотрудниками охраны. Дронго обратил внимание, что над воротами работали две камеры видеонаблюдения. Ворота медленно раскрылись, машины въехали на территорию виллы. Несмотря на далеко еще не позднее время, везде уже был включен электрический свет. Дорожки, ведущие к дому, ярко освещались. Дронго вышел из машины. Их уже встречал новый руководитель охраны, который пожал всем руки и вытянулся перед Обрадовичем. По предложению Дронго они обошли особняк. Со стороны реки была отвесная скала метров на тридцать. Залезть отсюда в дом невозможно даже опытному альпинисту. Его бы обязательно заметили и с дорожки совершающие обход сотрудники охраны, и из соседнего дома, где находился центр наблюдения за особняком.

Потом все поднялись на третий этаж по широкой лестнице, покрытой ковром, скрывающим шум, и сделанной из ценных пород лиственницы. Дронго несколько раз нарочито сильно надавил на ступеньки, но они не скрипели. Повсюду был идеальный порядок.

– Уборщицы в тот вечер были в особняке? – спросил он у сопровождающего их Орлича.

– Нет, – ответил капитан, – их удалили. В особняке не было посторонних, мы проверяли.

На третьем этаже сидел на стуле молодой офицер в штатском. Увидев поднимающихся гостей, он сразу вскочил. Дронго кивнул ему и открыл дверь. В комнатах тоже царил идеальный порядок. После убийства Баштича сюда никто не приезжал. Дронго внимательно осмотрел обе комнаты, вышел на балкон. Достаточно просторная терраса, но здесь невозможно спрятаться. Он подошел к перегородке, отделяющей эти апартаменты от соседней террасы, которая была гораздо меньше. Стена не доходила до конца, и при желании здесь можно перелезть. Он попросил Павла принести стул и предложил ему:

– А теперь постарайтесь перелезть на соседнюю террасу.

– Мы проверяли, – доложил Орлич, – перелезть можно. Но там никого не было. Это мы знаем абсолютно точно.

Дронго терпеливо ждал. Павел вздохнул и достаточно быстро перелез через стенку. Дронго, Обрадович и сопровождавший их руководитель охраны вышли из апартаментов Баштича и прошли в соседнюю комнату. Увидев их, охранник снова вскочил со стула. Дронго поднял голову и увидел камеру, смотревшую ему прямо в лицо. Любо́й человек, кто попытался бы пройти в апартаменты вице-премьера, должен был зафиксироваться на этой пленке. Да и вход в соседнюю комнату тоже находился под объективом камеры. А вот дальше, вход в апартаменты премьера, камера уже не фиксировала.

Они вошли в первую комнату. На террасе их терпеливо ждал Орлич. Генерал Обрадович подошел к балконным дверям и открыл их, чтобы впустить капитана. Дронго подошел к нему.

– Двери на террасы закрываются изнутри, – пояснил генерал, – и снаружи их открыть невозможно. Если даже неизвестный убийца каким-то образом оказался на соседней террасе или перелез отсюда, то и тогда он не смог бы попасть в комнаты Баштича, если, конечно, покойный вице-премьер сам не открыл ему.

Дронго согласно кивнул и внимательно осмотрел дверь. Обрадович был прав. Открыть ее снаружи было невозможно. Он вышел на террасу. Между этой террасой и следующей, примыкавшей к апартаментам премьера, над стенкой, в оставшемся проходе, была натянута проволока. Чтобы попытаться пролезть, нужно было ее сорвать.

– Отсюда вы сможете пролезть? – спросил Дронго

– Нет, – ответил Орлич, – мы уже несколько раз пытались. Нужно попытаться пройти по узкому карнизу, перелезая через перила, но это очень опасно. Один из наших попробовал это сделать, но сорвался и едва не погиб, сломав себе ногу.

– Убедили, – кивнул Дронго, – тогда и мы не будем. – Он еще раз осмотрел террасу и вернулся в комнату, снова вышел в коридор и спросил: – Может, убийца прятался в апартаментах премьера, а затем сумел сюда перейти? Времени у него было достаточно.

– Тогда как он туда попал? – недовольно уточнил Обрадович. – Если бы все было так просто, мы бы и сами нашли убийцу. Но здесь никого не было, сотрудники, дежурившие в ту ночь, в этом убеждены.

– Да, – кивнул начальник охраны, – последним сюда поднимался Зоран Баштич, который разговаривал со своим отцом всего несколько минут, и затем спустился вниз, примерно за час до того, как господина Баштича нашли убитым.

– Тогда получается, что именно сын задушил своего отца? – задумчиво проговорил Дронго. – Это уже шекспировская трагедия, а не балканская история.

– Не получается, – возразил Обрадович, – еще минут через сорок после ухода Зорана его отец позвонил своему заместителю Петковичу, который подтвердил, что разговаривал именно со своим шефом. Так что у Зорана абсолютное алиби. Только после телефонного разговора наш вице-премьер был убит.

– Мне надо обязательно увидеться с Зораном, – твердо произнес Дронго.

Обрадович посмотрел на начальника охраны. Оба промолчали, но было заметно, что им совсем не понравилась эта идея. Орлич деликатно молчал. Именно к нему и решил обратиться Дронго.

– Я смогу увидеться с сыном погибшего? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Орлич, отводя глаза. Ему, видимо, не хотелось лгать.

– Почему не знаете?

– Кажется, он сейчас болеет.

– Вы уверены? – иронично осведомился Дронго. – Он уже получил свой загранпаспорт?

Все трое озадаченно посмотрели в его сторону, настолько поразили их слова прибывшего эксперта.

«Кажется, они все против этой встречи, – подумал Дронго, – и боюсь, что мое расследование будет гораздо более трудным, чем я даже мог себе предположить».

– Не думаю, что вы должны с ним встречаться, – подтвердил его худшие опасения генерал Обрадович. – Это будет достаточно непростая встреча.

Глава четвертая

Обратно в отель они вернулись к девяти часам вечера. Обрадович предложил поужинать, и все прошли в небольшой ресторан, где их уже ждали. Во время ужина один из официантов незаметно передал Дронго салфетку, показав, что на ней написаны какие-то цифры. Эксперт убрал салфетку в карман. Через несколько минут он прошел в туалетную комнату и там развернул ее. На ней был указан номер телефона и просьба перезвонить не из своей комнаты. Дронго запомнил номер телефона и, разорвав салфетку на кусочки, спустил воду в унитазе. Помыл руки и вернулся к обоим офицерам.

За столом в основном говорил Дронго, рассказывая о своих прежних делах. Оказалось, что Орлич достаточно неплохо знает самые громкие расследования прибывшего гостя и буквально восхищается аналитиком. Обрадович даже пошутил, что Павел является своеобразным «дронговедом» в их спецслужбах.

В половине одиннадцатого они попрощались, договорившись встретиться утром. Когда гости уехали, Дронго поднялся к себе, достал из чемодана телефон с итальянским номером, которым часто пользовался, когда нужно было поговорить с кем-то инкогнито, и набрал номер, записанный на салфетке.

– Добрый вечер, – произнес он, услышав незнакомый голос. – Я позвонил по вашей просьбе.

– Спасибо, что позвонили. – Человек был явно взволнован. По-русски он говорил с очень сильным акцентом, но, видимо, все понимал. – Где вы сейчас находитесь? В своем номере?

– Нет, я вышел в коридор, чтобы не разговаривать из своего номера.

– Правильно, – одобрил его собеседник. – Извините, что не представился. С вами говорит Марко. Марко Бачанович.

– Это я уже понял.

– Я бывший руководи...

– Не нужно лишних слов. Это я тоже знаю. Где и когда мы можем увидаться?

– Вам нельзя выходить из отеля, – убежденно произнес Бачанович. – В холле постоянно дежурят двое сотрудников из службы безопасности, специально приставленные к вам. Лучше будет, если я сам приду.

– Вы думаете, что они не знают вас в лицо?

– Знают, конечно, но я смогу пройти... как это по-русски... незамечено. Или нет. Незаметно. Ждите меня на втором этаже, у номера двадцать два. Дверь в номер будет открыта. Вам нужно туда войти. Только никуда оттуда не уходите. Ровно через двадцать минут я приду. В коридоре камер нет, это я точно знаю.

– Договорились. – Дронго отключил телефон, вынул сим-карту и убрал аппарат в чемодан.

Ровно через двадцать минут он уже находился в небольшом номере, дверь в который оказалась действительно открыта. Почти сразу без стука вошел мужчина, ниже среднего роста, плотный, коренастый, с большим носом и запоминающимися темными глазами, быстро подошел к гостю и энергично потряс ему руку.

– Спасибо, что пришли. Я – Марко Бачанович.

– Меня обычно называют Дронго. Как вы вошли?

– Через кухню. Я заранее знал, что вы остановитесь именно в этом отеле, и подготовился. Этот номер снял один из моих знакомых, поэтому я решил встретиться с вами именно здесь.

– Предусмотрительно, – согласился Дронго. – Зачем я вам понадобился?

– Я знаю, что вас пригласили в Белград в качестве эксперта для проведения специального расследования по факту убийства Предрага Баштича.

– Все правильно. А я знаю, что вас отстранили от продолжения расследования, и вы подали рапорт об отставке, который был сразу принят. И еще, что вы близкий друг заместителя прокурора Сербии господина Вукославлевича.

– Да, это так, – усмехнулся Бачанович, – поэтому мне так срочно нужно было с вами встретиться.

– Я вас слушаю.

– Дело в том, что там должна была состояться очень важная встреча представителей бывших республик Югославии, – сообщил Бачанович. – Встреча носила закрытый и конфиденциальный характер, и никто из посторонних не должен был знать о ней. Кроме сотрудников охраны, там должно было находиться еще пять человек, включая самого Баштича, а на самом деле их было десять. И этот факт мне сразу не понравился. Если встреча настолько секретная и закрытая, то почему так много посторонних оказалось в этом доме в момент убийства вице-премьера? Но об этом стараются не вспоминать, хотя, конечно, всех присутствующих свидетелей допросили.

– Кто эти пятеро «лишних»? – спросил Дронго.

– Скорее четверо, – поправился Бачанович. – Дело в том, что должен был приехать заместитель господина Баштича, чтобы уточнить возможные детали подписания протокола о намерениях. Так что господин Петкович был там по вполне уважительным причинам. Но остальные... Во-первых, сын погибшего Зоран Баштич, который почти никогда не появлялся в этом месте и неожиданно оказался там именно в тот вечер, когда убили его отца. Более того, судя по предварительному расследованию, он оказался последним, кто видел господина Баштича живым.

– Кто еще?

– Сотрудница секретариата господина Баштича – Даниэла Милованович. Я специально проверял, у нее даже не было допуска к работе с секретными документами. Супруга господина Петковича, Видрана Петкович, тоже не должна была присутствовать на таком закрытом совещании. Затем неизвестно откуда появившийся охранник – Радко Недич, которого там не должно было быть, в списке заявленных сотрудников охраны еще за три дня до этого совещания он не значился, однако в этот вечер появился. Более того, он не числился среди сотрудников охраны и был принят на работу за день до совещания. Разумеется, у меня появились вопросы к этому Недичу, и я попросил дать мне санкцию на его задержание. Но сначала долго тянули с его арестом, а затем не разрешили допросить, пояснив, что его будут допрашивать другие люди. Я все-таки настоял на своем и сумел допросить его в присутствии сотрудников службы безопасности, но он ничего конкретного не сказал. А после моего отстранения его вообще выпустили под подписку о невыезде. Одного из главных подозреваемых! И они хотели, чтобы я молчал и не задавал никаких вопросов. Даже намекнули, что это было сделано в государственных интересах и я должен искать возможного убийцу среди других людей. Но я всю жизнь работал следователем и знаю, что существуют причинные связи в любом преступлении при любом расследовании.

Четверо возможных подозреваемых не должны были находиться в этом доме в момент совещания. Даже если Петкович действительно должен был там появиться в связи с подготовкой документов, его вызвали в последний момент.

– Кого именно вы подозреваете?

– Полагаю, что это сделал Недич. Очевидно, в политическом руководстве нашей страны кто-то решил отказаться от этих соглашений или, что еще хуже, попытаться разыграть смерть чиновника такого высокого ранга в собственных интересах.

– Я не совсем понимаю, какие могут быть в этом случае дивиденды?

– Очень большие. Баштич был популярным политиком и реальным претендентом на премьерское кресло. Значит, его устранение, возможно, выгодно нашему премьеру. Да и прези-

дент, скорее всего, опасался такого напористого кандидата. У Баштича были крепкие связи с Хорватией и Македонией. Так получилось, что его первая жена из Загреба, а ее отец сейчас – вице-спикер хорватского парламента, а другой его бывший тесть – глава национального банка Македонии. Вот такой невероятный выбор жен был у молодого политика. В это даже трудно поверить, но иногда подобное в жизни случается.

– Значит, ваш Баштич умел выбирать себе жен, – усмехнулся Дронго, – такой своеобразный «синдром Державина».

– Что? – не понял Бачанович. – О чем вы говорите?

– В Москве есть очень популярный актер из Театра сатиры, – пояснил Дронго, – Михаил Державин. Очень интеллигентный, симпатичный, мягкий, добрый, нравится женщинам. Трижды был женат. Одна из его жен – дочь великого актера Аркадия Райкина, а другая – дочь маршала Буденного. Кажется, что так не бывает, но он женился в третий раз на популярной актрисе и уже достаточно долго и счастливо живет с ней. Да, встречаются иногда такие невероятные случаи.

– Может быть, – нервно согласился Бачанович, – но учтите, что Баштич в первый раз женился в возрасте девятнадцати лет на девушке, которая была старше его на два года, дочери Горана Квесича, одного из руководителей партийной организации в Хорватии, и сразу начал делать карьеру. А когда все затрещало, он еще в девяностом году развелся со своей супругой Ядранкой, оставив ее с трехлетним сыном. Потом в девяносто третьем женился на дочери Андона Китанова. Тогда повсюду шли ожесточенные бои, а Македония была неким оазисом спокойствия. Китанов очень обеспеченный человек. Но в девяносто девятом они развелись, на этот раз Баштич оставил уже четырехлетнюю дочь. А несколько лет назад он женился на Шарлотте Хейнкесс и сразу получил назначение послом в Германию, один из самых главных дипломатических постов в нашей стране...

– Судя по вашим словам, вы его не очень любили. Обычно о покойниках либо хорошо, либо ничего...

– Я говорю правду, – дернулся Бачанович, – стараюсь быть объективным.

– Давайте вернемся к «дивидендам». Кто еще мог быть заинтересован в его смерти?

– Наша оппозиция, политики в Хорватии или в Македонии, некоторые зарубежные страны, не заинтересованные в стабилизации обстановки в нашей стране. Вы же знаете, что мы выполнили все решения Гаагского трибунала. Арестовали и выдали сначала Слободана Милошевича, затем Радована Караджича и в конце генерала Младича, хотя многие в Белграде были категорически не согласны с этими решениями. А нас по-прежнему держат на коротком поводке, не принимая ни в Шенгенскую зону, ни в Европейское сообщество. А еще, не без помощи зарубежных друзей, сначала отделили Черногорию, потом признали независимость Косово. Сами подумайте, что осталось от нашей бывшей страны? И в этих условиях, когда неожиданно появляется небольшой шанс на восстановление более тесных экономических связей, кто-то убивает Баштича, а мне не дают провести объективное и тщательное расследование.

– У вас есть конкретные подозрения?

– Нет, пока только догадки. Но я убежден, что нужно более тщательно разрабатывать линии четырех человек, которые не должны были оказаться в особняке в тот вечер.

– И один из четверых – сын погибшего, – задумчиво напомнил Дронго.

– Да, – упрямо повторил Бачанович, – я не стал бы исключать его из числа подозреваемых. Я так и не сумел получить от него вразумительного ответа, что именно он делал в тот вечер в Бичелише и почему так неожиданно там оказался. Более того, уже после того, как он узнал о смерти своего отца, этот молодой человек не растерялся и начал звонить по телефону – сначала в Хорватию, потом в Германию. Все номера телефонов были зафиксированы. Его так «потрясла» смерть отца, что он в течение тридцати минут только и делал, что болтал по телефону.

– Кому он звонил?

– В материалах дела все номера зафиксированы. Сначала деду Горану Квесичу, затем на домашний номер. Потом в Германию, в отель «Кемпински» в аэропорту Мюнхена, затем снова домой и уже по другому телефону – в Мюнхен, своей знакомой.

– Вы установили знакомую?

– Конечно. Мирца Любанович. Переехала в Мюнхен из Загреба. Несколько раз встречалась с Зораном, когда он гостил у отца в Германии.

– Он не объяснил, почему звонил именно ей?

– Нет. Сказал, что это его личная знакомая.

– Вы считаете, что он мог задушить своего отца?

– Во всяком случае, я считаю его подозреваемым. Он был последним, кто выходил из апартаментов Баштича. И у него были достаточно натянутые отношения с отцом. Зорану всегда не хватало денег на его разгульную жизнь, на походы в казино, а отец отказывался платить по его счетам, и на этой почве у них часто были конфликты. Зоран до четырнадцати лет рос с матерью и почти не видел отца, что, очевидно, тоже сказалось на их взаимоотношениях.

– И поэтому его до сих пор держат в Белграде и не дают заграничный паспорт?

– Вы об этом тоже знаете, – вздохнул Бачанович. – Да, думаю, что именно поэтому. Хотя, возможно, он просто лжет. У меня есть подозрение и на госпожу Даниэлу Милованович, даже большие, чем в отношении сына.

– Почему?

– Почитайте ее личное дело. Весьма бурная жизнь. Успела поработать в Германии, Австрии, Венгрии. В тридцать лет вернулась в Белград и уже через год работала в нашем министерстве иностранных дел, откуда ее взяли в канцелярию правительства. Никто не скрывает того факта, что взяли по поручению самого Баштича. Сейчас ей тридцать шесть лет. Ее вполне могли завербовать иностранные спецслужбы. Именно Даниэла поднялась вместе с Баштичем в его апартаменты и почти сразу оттуда вышла. Зоран появился уже после нее. Судя по его спокойной реакции на смерть отца и многочисленным телефонным звонкам, я решил предположить, что он мог заранее знать о смерти своего отца. То есть уже видел его убитым раньше Петковича.

– Каким образом?

– Даниэла вошла в апартаменты вместе с вице-премьером и, воспользовавшись моментом, задушила его. Затем вышла и спустилась вниз. Когда Зоран зашел в комнату, отец был уже мертв. Возможно, Зоран что-то забрал у него. При последующем обыске мы нашли в его карманах около сорока тысяч евро, но он клялся, что эти деньги ему одолжил отец. Зоран забрал деньги и ушел, решив не поднимать шума, ведь сорок тысяч – довольно крупная сумма. Полагаю, что он мог забрать и мобильный телефон отца, чтобы обеспечить себе алиби. А через некоторое время позвонил Петковичу и о чем-то спросил его. Петкович, занятый документами, не стал прислушиваться к голосу, увидев номер звонившего и полагая, что это сам Баштич. Вот вам и разгадка этого необыкновенного преступления. Когда Петкович обратился к Недичу, а тот передал поручение Николичу, Баштич был уже убит, и убит достаточно давно. Один из гостей оказался врачом и констатировал смерть, происшедшую примерно час назад. Но мне удалось выяснить очень интересную деталь. Этот врач не патологоанатом и не хирург, а всего лишь дерматолог, поэтому вполне мог ошибиться. Тогда ничего загадочного в этом убийстве нет. Даниэла убила Баштича, Зоран не стал поднимать шума, обеспечив с помощью мобильного телефона себе абсолютное алиби, и затем, воспользовавшись шумихой, подкинул телефон в комнату отца.

– Почему вы об этом не указали в ходе расследования?

– Я тогда еще не знал всех подробностей. Только после того, как выяснилось, что Николич невиновен, на меня начали оказывать давление, и я был вынужден подать заявление о

своей отставке. Хотя я убежден, что женщина не могла задушить такого крепкого мужчину, как Баштич, безо всякого шума. Значит, Николич должен был хотя бы что-то слышать. Или он «не заметил» Недича, который поднялся следом за Даниэлой и задушил Баштича. А может, вообще все гораздо проще. Недич просто прошел не замеченным камерой в апартаменты Баштича и там его задушил, сразу после телефонного звонка вице-премьера своему сотруднику. Тогда все встает на свои места.

– За исключением записей на камере наблюдения, – возразил Дронго, – ведь записи изучались лучшими экспертами, и они были единодушны, что здесь нет ни монтажа, ни обрыва записи. Тогда как объяснить отсутствие на пленке Недича? Или он поднялся по воздуху?

– Не знаю, – честно признался Бачанович. – Если бы знал, то не стал бы подавать заявление о своей отставке. Я пока не знаю всех подробностей. Возможно, пленку просто подменили. Но уверен, что все нужно и можно проверять, даже если на это понадобится еще год.

– Ваши коллеги не могут ждать так долго, – напомнил Дронго, – убийцу нужно предъявить как можно быстрее, чтобы закрыть это неприятное дело.

– Поэтому мы арестовали Николича, – согласился бывший следователь, – а оказалось, что он вообще непричастен к этому убийству. Хотя мне трудно в это поверить, но его проверяли всеми возможными методами, даже вводили специальный состав для подавления воли. И все эксперты единодушны, что Николич ничего не знает о случившемся. – Он замолчал. Было очевидно, что такое фиаско слишком сильно подействовало на почти пятидесятилетнего профессионала, когда он не сумел найти вразумительных объяснений произошедшего преступления.

– А четвертый подозреваемый? – напомнил Дронго.

– Видрана Петкович, – кивнул следователь, – но она не входила к вице-премьеру, и вообще ее не должно было быть на вилле. Она собиралась утренним рейсом в Вену, но поменяла билет на вечерний рейс, приехала к супругу и довольно скоро уехала. Красивая молодая женщина, мать у нее итальянка. Должен сказать, что она как раз не вызывает у меня особых подозрений. В отличие от Даниэлы это хрупкая, очень изящная женщина, хотя ей уже тридцать пять, и она не смогла бы справиться с Баштичем, в этом я как раз уверен, так же, как уверен, что она не входила в апартаменты вице-премьера. Мы проверили все отпечатки пальцев, кроме отпечатков самого Баштича, нашли отпечатки его сына, в том числе и на портмоне вице-премьера, отпечатки госпожи Даниэлы Милованович и Драгана Петковича. Были даже отпечатки врача, который первым осмотрел тело погибшего. Других отпечатков не было, что тоже вызвало у меня обоснованные подозрения. Ведь сразу после обнаружения трупа к Баштичу входили оба охранника – Николич и Недич, но их отпечатков мы там не нашли.

– Получается, что Недича в комнате не было?

– Или он профессионально сработал, не оставив своих отпечатков, – предположил следователь.

– Возможно, – задумчиво согласился Дронго. – В таком случае получается, что, кроме Николича, никаких других подозреваемых просто не существует. Ведь есть пленка, которую исследовали ваши специалисты.

– Да, конечно, но есть такое понятие, как косвенные улики.

– На их основании нельзя обвинить человека, а вашей группе не удалось найти более конкретного подозреваемого, – безжалостно заключил Дронго.

– Недича выпустили, разрабатывать Зорана Баштича не позволили, а с женщинами мы вообще говорили только по два раза, – разозлился следователь. – Что вы хотите? У меня было не так много времени.

– Тогда зачем вы обвинили Николича, если у вас не было никаких оснований для этого?

– Он отлучился со своего места. Значит, в любом случае нарушил дисциплинарный устав.

– Но это не уголовное преступление. Получается, что для достижения результата вы обвинили невиновного человека.

– Нам не дали нормально работать, – упрямо повторил Бачанович.

Дронго подумал, что иногда встречал в своей жизни таких амбициозных и упрямых людей, которые настаивали на своей версии, упрямо отвергая любые сомнения и другие версии. Самолюбивый следователь понимал, насколько оглушительной оказалась его неудача, когда выяснилась полная непричастность Николича к этому преступлению.

– Вы хотели каким-то образом выжать из Николича нужные показания либо на его коллегу, либо на кого-то другого? – спросил Дронго.

Следователь нахмурился. Затем решительно поднялся.

– Я хотел с вами встретиться и рассказать обо всем. Вот номера моих телефонов. Первый выписан на имя подруги моей жены, и о нем никто не знает. Можете звонить в любое время суток.

– Спасибо. – Дронго взял бумагу с номерами телефонов, посмотрел на них и вернул листок следователю.

– Вы уже запомнили? – усмехнулся Бачанович. – Или это трюк специально, чтобы отвязаться от меня?

Дронго, спокойно глядя на него, продиктовал оба номера.

– Похоже, что все сказки, которые о вас рассказывают, правда, – пробормотал Бачанович. – Ладно, я пойду. А вы помните о том, что я вам здесь рассказал. Если понадобится, можете звонить. До свидания.

Он не стал протягивать руки на прощание, только кивнул головой, выходя из номера. С его маленьким «наполеоновским комплексом» такие амбиции понятны, улыбнулся про себя Дронго. Немного подождав, он поднялся к себе в номер. Сообщение Бачановича было чрезвычайно важным для его расследования. Но теперь он знал и другое. Бывшего следователя не просто отправили в отставку. Ему не дали возможность обвинить сына бывшего вице-премьера, понимая, какой скандал это вызовет в отношениях между двумя странами – Сербией и Хорватией. Для такой задачи понадобился иностранный специалист, на которого можно будет списать все возможные погрешности следствия. И, наконец, нужно будет выяснить, почему так быстро отпустили Недича. Кто это такой и как появился среди охранников в этом правительственном особняке?

Глава пятая

Утром его повезли сначала в министерство внутренних дел, где министр принял его вместе с генералом Обрадовичем. Министр был политическим назначенцем, одним из руководителей правящей партии, победившей на выборах. Он недолюбливал Баштича, зная, что в случае появления этого политика в кресле премьера он наверняка не усидит в своем министерском кресле, поэтому долго рассуждал о его выдающемся вкладе во внешнюю и внутреннюю политику Сербии, а в заключение пожелал успехов в расследовании, пообещав любую помощь министерства. Когда они направлялись в прокуратуру Сербии на встречу с генеральным прокурором, Дронго недовольно спросил Обрадовича:

– Для чего нужны эти «ритуальные танцы»? Они только отнимают у меня время. Мне нужно работать, а не встречаться с вашими политиками.

Орлич перевел, но генерал ничего не ответил, только пожал плечами – эти встречи зависели не от него. Вскоре они уже сидели в кабинете генерального прокурора Сербии. В отличие от министра это был профессионал, всю жизнь проработавший в прокуратуре. В кабинете, кроме него, находились Вукославлевич и еще два заместителя. Прокурор сразу сказал, что расследование достаточно сложное и запутанное.

– Дело даже не в том, что убийца применил какой-то непонятный трюк, позволивший ему остаться незамеченным. Самое важное – это ваши выводы. Вы должны понять, насколько сложная обстановка в Сербии, после того как мы нашли и выдали генерала Радко Младича. Наши оппоненты до сих пор считают его сербским героем. И в такой обстановке резко ухудшить наши отношения с Хорватией мы просто не имеем права.

– Вы говорите о возможном участии в этом преступлении Зорана Баштича? – спросил Дронго.

Орлич даже не успел перевести. И Вукославлевич не успел ничего сказать. Прокурор сразу все понял.

– Вы успели узнать достаточно много, – сказал он. – Если Зоран виноват, он должен ответить. Если не виноват, мы выдадим ему зарубежный паспорт и позволим уехать. Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. У него двойное гражданство – сербское и хорватское, и официальный Загреб уже обратился к нам с запросом, на каком основании мы не выпускаем из страны их гражданина?

– Я вас понимаю, – кивнул Дронго, – но мне нужна будет ваша помощь.

– В чем конкретно?

– Получить все материалы расследования и встретиться с бывшим руководителем следственной группы.

– Материалы можете получить в любое время, – согласился генеральный прокурор, – любую помощь в переводе мы вам тоже окажем. С бывшим руководителем следственной группы тоже организуем встречу. К сожалению, он не выдержал давления, которое на него оказывалось со всех сторон в процессе этого расследования, сорвался на истерику, стал придумывать ненужные заговоры, считал, что прокурорский надзор ему только мешает. А в результате за целый месяц арестовал только двоих охранников, которые оказались абсолютно не причастны к этому преступлению. Разумеется, нам пришлось с ним расстаться. Я распорядюсь, чтобы вы с ним встретились, если хотите.

– Обязательно. И с остальными свидетелями.

– Это мы вам обеспечим. Какие еще просьбы?

– Первая и самая главная – встреча с Зораном Баштичем.

Наступило неловкое молчание.

– Если он захочет с вами разговаривать, – наконец сказал прокурор, – у него сейчас вполне объяснимая депрессия в связи со смертью отца. К тому же он считает несправедливой задержку с выдачей ему паспорта и отказывается общаться с нашими представителями.

– Мне эта встреча нужна для расследования преступления, из-за которого я согласился прилететь в Белград.

– Понимаю. Но ничего гарантировать не могу. Давайте подумаем о завтрашнем дне, – предложил генеральный прокурор, – и учтите, что вам придется его уговаривать самому. Здесь мы вам помочь не можем.

– Я понимаю, но встреча чрезвычайно важна, – упрямо повторил Дронго.

– Хорошо. – Прокурор посмотрел на Вукославлевича, и тот как-то неопределенно кивнул.

Они поговорили еще несколько минут, после чего встреча завершилась. Уже на прощание прокурор сказал гостю:

– Мне хотелось бы, чтобы вы все правильно поняли. Мы пригласили вас не в качестве спасительной палочки-выручалочки. Нам нужен абсолютно объективный и независимый взгляд на преступление. В любом случае ваши выводы будут нам интересны.

Следующий визит они нанесли в администрацию президента. Там их принял руководитель администрации, который долго рассуждал о современной политической обстановке, о кровавом разводе бывших югославских республик, об ответственности всех участвующих в этом расследовании следователей. Он почти не давал говорить приехавшим. Они выслушали его пространственный монолог, после чего попрощались и наконец уехали.

– Мне нужны все материалы дела, – напомнил Дронго, – и, конечно, пленка, которую я должен лично просмотреть.

– Тогда вернемся в прокуратуру, – предложил Обрадович, – там находятся все документы. Капитан Орлич поможет вам с переводом.

В этот день они провели в здании прокуратуры почти девять с половиной часов. Прежде всего Дронго дважды просмотрел пленку, на которой четко был виден Николич, сидевший на стуле. Когда он поднялся и вышел, они засекли время – одна минута пятьдесят четыре секунды. Так же четко было видно, как в апартаменты зашли улыбающийся Баштич вместе с Даниэлой, как она почти сразу вышла, спустившись по лестнице вниз. Как прошел в комнату Зоран, сын вице-премьера, и как вышел явно в подавленном настроении. Через некоторое время покинули свои апартаменты супруги Петкович и спустились вниз. Затем никто наверх не поднимался, пока не появился Недич, обратившийся к Николичу. Дронго засекал по минутам. Николич вошел в апартаменты, выбежал оттуда буквально через несколько секунд и позвал Недича. Тот тоже вошел лишь на несколько секунд и затем побежал вниз, чтобы позвать остальных. Первым туда поднялся Петкович. Было заметно, как волновались оба охранника, особенно Николич.

– Экспертиза подтвердила, что вице-премьер был убит еще до того, как Николич вошел к нему? – уточнил Дронго.

– Дважды. Абсолютно никаких сомнений, – пояснил капитан, – проводили комплексную патологоанатомическую экспертизу. Баштич был убит задолго до того, как к нему вошел Николич. Он лежал уже убитым, в этом нет никаких сомнений. Врач поднялся почти сразу, это был один из гостей. А еще через пять минут там появился полицейский врач. Оба убеждены, что Баштич был уже давно мертв. Полицейский врач даже сделал снимки, которые есть в деле.

Дронго нахмурился. Оставалось предположить, что неизвестный убийца сумел влезть через балкон. Но тогда Баштич должен был сам открыть ему дверь, что просто невыносимо. Он начал просматривать протоколы допросов, требуя точного перевода выражений и объяснений, которые были в деле. К вечеру Орлич едва не засыпал от усталости, и наконец Дронго решил, что им пора возвращаться.

На следующий день он напомнил о своей встрече с младшим Баштичем. Орлич пообещал перезвонить генералу Обрадовичу. Через час Дронго снова напомнил о встрече. Орлич честно

признался, что ждет ответного звонка. Ждать пришлось достаточно долго, около пяти часов, пока наконец им не позвонили и не сообщили, что Зоран Баштич проживает в центре города, на улице Неманьина, и их там будут ждать только завтра днем. А пока они снова читали протоколы допросов и просматривали пленку. К вечеру Орлич вымотался так, что едва мог говорить. На следующий день Дронго лично позвонил генералу Обрадовичу. Тот мрачно сообщил, что встреча с Зораном не в его компетенции. Тогда Дронго отправился к генеральному прокурору. Он уже сидел в приемной, когда там появился Вукославлевич, который сухо сообщил ему, что он может поехать на встречу с сыном погибшего вице-премьера.

На служебном автомобиле Дронго и Орлича отвезли к дому Зорана. Внизу дежурили двое офицеров полиции. Они поднялись на третий этаж, позвонили. Дверь им открыл молодой человек лет сорока пяти. Судя по его бицепсам и плечам, это тоже был приставленный к Зорану охранник. Появилась женщина, больше похожая на надзирательницу из исправительного лагеря, со скорбно сжатыми губами, которая даже не сделала попытки изобразить приветливое лицо. Она только указала на диван, предлагая гостям садиться, а затем прошла в соседнюю комнату. Оттуда сразу послышались крики.

– Я не собираюсь ни с кем разговаривать, пока мне не вернут паспорт. Я уже говорил, что не буду ни с кем встречаться! – Зоран кричал достаточно громко, чтобы они могли его слышать.

– Он может отказаться с нами встречаться, – поморщившись, прошептал Орлич.

Секунд сорок стояла тишина, очевидно, женщина пыталась убедить Зорана выйти к гостям. Затем он снова взорвался:

– Никаких разговоров и никаких встреч! Пусть вернут мой паспорт и разрешат мне уехать...

Еще через несколько минут женщина вышла и покачала головой:

– Он не хочет с вами разговаривать. – Ее лицо ничего не выражало.

Орлич взглянул на Дронго и тихо предложил:

– Нужно уезжать. Зоран уже давно не хочет ни с кем говорить. Он считает, что его незаконно арестовали и держат здесь. Требуется пригласить международных журналистов.

– Какие иностранные языки он знает? – спросил Дронго.

– Немецкий и английский, – ответил Орлич, – но он не станет с вами разговаривать.

Дронго поднялся, посмотрел на женщину и показал жестом:

– Я хочу к нему войти.

Она молча покачала головой, мол, нельзя.

– Я попытаюсь с ним поговорить. – Дронго взглянул на Орлича, и тот перевел его слова. Женщина снова покачала головой. Появился охранник – очевидно, на тот случай, если гость попытается войти в другую комнату.

– Скажите им, что я попытаюсь его убедить, – повторил Дронго, – и у меня есть разрешение генерального прокурора и министра внутренних дел. Можете добавить, что я встречался и с руководителем администрации президента страны.

Орлич все это исправно перевел. Охранник и женщина переглянулись, видимо, на них произвели впечатление титулы названных лиц. Дронго решительно шагнул к дверям. Отодвинул охранника, прошел мимо растерявшейся женщины и вошел в большую комнату без окон. На диване сидел небритый молодой человек довольно высокого роста, светлоглазый, с длинными волосами, в джинсах и светлой майке. Увидев вошедшего, он вскочил с дивана:

– Я уже вам сказал, что не буду ни с кем разговаривать. Убирайтесь отсюда! Вам мало того, что вы убили моего отца, так теперь вы еще хотите свалить на меня убийство... Убирайтесь, я не хочу с вами разговаривать!..

– Не кричите, – перебил его Дронго, сказав эти слова по-английски. – Я не говорю на сербском, хотя могу вас понять, если вы не будете кричать. Вы должны были догадаться по моему лицу, что я не серб.

В комнату осторожно вошла женщина.

– Кто вы такой, – перешел на английский Зоран, – я вас знаю?

– Меня пригласили специально для того, чтобы я побеседовал с вами, – немного соврал Дронго.

Следом за женщиной в комнату протиснулся Орлич.

– Откуда вы приехали? Кто вы такой? – снова повторил Зоран.

– Меня обычно называют Дронго, – представился эксперт. – Я занимаюсь проблемами преступности.

– Не врите, – махнул рукой Зоран, – я про Дронго слышал. Это известный эксперт, а кто вы такой, я не знаю.

– Вы считаете, что для разговора с вами должны были пригласить неизвестного эксперта? Или для расследования убийства вашего отца нужно было позвать какого-нибудь дилетанта? – спросил Дронго.

Зоран замер. Затем невесело усмехнулся:

– Похоже, вы правы. Об этом я не подумал. Что вам нужно?

– Поговорить с вами.

– Зачем? Я не убивал своего отца. Или я похож на сумасшедшего?

– Во всяком случае, на нормального человека вы тоже не очень похожи, – рискнул пошутить Дронго.

– Смешно, – рассмеявшись, согласился Зоран. – Ладно, если вы действительно Дронго, то оставайтесь. А остальные пусть отсюда выйдут. Как видите, я неплохо знаю английский и смогу с вами разговаривать.

Дронго обернулся, обратившись к женщине и Орличу:

– Выйдите отсюда, пожалуйста. – Они молча вышли, а Дронго взял стул и уселся напротив Зорана.

– Вы действительно тот самый эксперт? – спросил Зоран.

– Какой смысл мне лгать? – спросил Дронго. – Я могу показать вам свой паспорт, но вы вряд ли слышали о настоящем имени Дронго, поэтому вам остается поверить мне на слово. В любом случае вы ничего не теряете, а после разговора со мной, возможно, даже быстрее получите свой заграничный паспорт и сможете отсюда уехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.